

Анна Пойзнер, Михаил Пойзнер

Одесса: личные впечатления Александра Верта

Нынешнему поколению имя Александра Верта – известного английского историка XX века – мало о чем говорит. Однако еще совсем недавно это имя было на слуху практически каждого, интересующегося историей второй мировой войны.

Монография Александра Верта «Россия в войне 1941-1945» вышла в свет двумя изданиями в США (1964 и 1965 гг.), одновременно в Англии, Франции, ФРГ, Японии, Италии, Голландии, Мексике, Бразилии.

В Советском Союзе книга появилась только в январе 1967 г., сразу же став «притчей на устах у всех». Александр Верт открыл глаза западного читателя на подлинные события, происходившие на Восточном фронте и в России. На Западе о книге Александра Верта писали, что это лучшая книга, которую, вероятно, когда-нибудь мы будем иметь на английском языке о войне в России.

В июле 1966 г. в предисловии к русскому изданию Александр Верт утверждал: *«Что представляет собой эта книга? Ее ни в коем случае нельзя назвать официальной историей войн... Эта книга представляет собой в гораздо меньшей степени историю военных действий, чем человеческую историю, а отчасти также и политическую историю войны».*

В отечественной литературе того периода книг о войне, когда во главу угла поставлена человеческая история, еще не было.

Александр Верт родился в 1901 г. в Петербурге. Его отец, английский подданный Адольф Верт, был прибалтийским немцем, служившим на высокой должности в министерстве путей сообщения России. Мать – русская, по одной из версий она умерла сразу после рождения сына. В 1917 г., за несколько недель до Октябрьской революции, семья эмигрировала в Великобританию. В Шотландии, в Глазго, Александр Верт

получил высшее образование (1922 г.), стал журналистом. Много лет проработал в Германии, США, Франции.

В Советском Союзе – с июля 1941 по 1946 гг. – представлял газету «Санди Таймс», вел передачи на Би-би-си (программа «Русские комментарии»). Из его уст мир узнавал о событиях в далекой России.

Александр Верт писал о тех днях в запрещенной в СССР книге «Москва, 1941»: «...Россия звала меня... Это было возвращение в свою родную страну, которую я покинул в 17-м году... но в то же время я отлично понимал, что прошлого искать не собирался... Эта война порождает во мне волну эмоций, но то, что происходило там в эти роковые дни, было настолько жизненно важно для русского народа, что отдаваться какой-либо глупой детской ностальгии было бы крайне неуместно».

Александр Верт прошел с Красной Армией практически всю войну*. Он дружил со многими известными деятелями советской культуры, был близко знаком с военачальниками Жуковым, Рокоссовским, Малиновским, Соколовским, Чуйковым... Не с чужого голоса знал о страданиях нашего народа, о масштабах потерь и безграничном мужестве.

Александр Верт дорожил всем, что было так или иначе связано с минувшей войной. Его сын Николая Верт, видный французский историк и советолог, отмечал**: «...Отец не носил военную форму. Зимой носил купленную в Москве в 41-м году старую шинель (из собачьей кожи). Он описал это в книге «Москва. 1941». Я еще помню эту... шинель. Когда мать скончалась (в 2000-м году), пришлось мне эту шинель выбросить...».

Часто упоминание об Александре Верте встречается со словами «одним из первых». Одним из первых иностранных корреспондентов он доносил правду о битве под Москвой, об окружении немцев под Сталинградом, о Курской дуге и польской проблеме, оккупированной и освобожденной Одессе, советских партизанах и Тегеранской конференции, войне с Японией и Хиросиме...

Одним из первых иностранных корреспондентов в 1943 г. побывал в блокадном Ленинграде (в 2012 г. в Санкт-Петербурге вышла в свет его ранее запрещенная в СССР книга «Пять дней в блокадном Ленинграде»).

* В связи с кадровыми перестановками на работе Александр Верт должен был срочно прибыть в Лондон в середине октября 1941 г., вернулся в Россию в конце мая 1942 г.

** Из письма Николая Верта авторам (23.03.2014 г.).

Одним из первых иностранных корреспондентов в декабре 1944 г. вошел в освобожденный Майданек и одним из первых написал о злодеяниях фашистов (на Би-би-си отказались передавать его материал, полагая, что все это маловероятно, и скорее всего, похоже на... советский пропагандистский трюк).

Одним из первых иностранных корреспондентов 24 сентября 1946 г. брал интервью у Сталина (!) – вопросы о международном положении и вероятности «новой войны» (с 1946 по 1949 гг. он – московский корреспондент газеты «Манчестер Гардиан»).

Зверства фашистов, варварство и геноцид настолько потрясли Александра Верта – знатока и любителя немецкой культуры, что он с тех пор отказался говорить по-немецки. *«Наоборот, жизнь в «России в войне» усилили его русофильство. Не ностальгическое русофильство эмиграционных парижских или пражских кружков, которое он издавна ненавидел, а новое советское русофильство, возникшее в ходе Великой Отечественной войны».**

Александр Верту приходилось очень трудно. Из-за разногласий между союзниками правда о победах Красной Армии зачастую многих не устраивала. Несмотря ни на что, он доносил правду и только правду... Илья Эренбург в мемуарах «Люди, годы, жизнь» писал: *«Я вспомнил шутку английского корреспондента Александра Верта, который иногда приходил ко мне... Мой пес Бузу, шотландский терьер, в начале войны был контужен воздушной волной и смертельно боялся салютов, считая, что грохот орудий связан с неприятностями; как только радио передавало позывные, он начинал неистово выть. На такую сцену однажды попал Верт и сказал: «Теперь я вижу, что это действительно английская собака – боится советских побед».*

За такой шуткой стояло личное мужество Александра Верта и жгучая ненависть к фашизму.

Так или иначе, история и время все расставили на свои места, а книга Александра Верта «Россия в войне 1941-1945» до сих пор остается одним из наиболее ярких и впечатляющих повествований о Великой Отечественной войне.

Теперь об Одессе.

В середине апреля 1944 г., сразу после Умани, Александр Верт пришел в только-только освобожденный город, еще охваченный дымом и пожарами. Что же он увидел?

* Из письма Николая Верта авторам (28.04.2014 г.).

No. 2488.

University of Glasgow.

Fee, £1 1s.
SESSION 1920-21

MATRICULATION ALBUM.

Name in Full, <u>Alexander Werth</u> <small>(Initials not sufficient—Add any University Degree already obtained.)</small>	
Age at last Birthday, <u>19</u>	
Birthplace—(Town or Parish, and County; if not in Scotland, write the Country also.) <u>Petrograd, Russia</u>	
Father's Christian Name, <u>Adolph</u>	
Father's Occupation, <u>Banker</u>	
Is Father Alive? <u>Yes</u>	
Faculty—Arts; Science (Pure, Engin., etc.); Medicine; Law; Theology. <u>Arts.</u>	
Classes for this Session, viz.: <u>English Higher, Engl. Language 1st year, History CP</u>	<u>Russian Higher</u>
Year of attendance at this University, i.e., First or Second, etc., <u>Second</u>	
Previous Faculty or Faculties of Study, if any.	
Present Address, <u>16, Meunier 96, Great George Str. Hillhead, Glasgow</u>	
Home Address,	

Регистрационная карточка студента Александра Верта (Университет Глазго, 1920 г.)

Собственно этому и посвящена часть седьмая, глава III «Одесса: личные впечатления» (в оригинале «Одесса – столица Румынской Трансильстрии») книги «Россия в войне 1941-1945».

В русском переводе «России в войне 1941-1945» принимали участие 6 (!) человек и, как сказано доктором исторических наук, профессором, генерал-майором Е.А. Болтиным во вступительной статье к книге: «...Сокращения, произведенные редакцией с согласия автора, коснулись главным образом цитат из советских газет и книг, а также некоторых маловажных деталей, устранение которых не сказалось на содержании труда».

На примере раздела, касающегося Одессы, мы увидим, что это далеко не так.

Если говорить о корректности русского перевода одесского материала и степени его соответствия английскому оригиналу, то, по нашему мнению, так называемый «авторизованный перевод» оказался политически и идеологически выверенным по законам того смутного времени. Понятно, и как решался вопрос с «соглашением автора».

Последовательная линия Александра Верта по ряду принципиальных вопросов не могла устроить власть предрержащих. Что же посчитали тогда опасным излагать «во весь голос» широкому кругу советских читателей?

Сравнение английского оригинала и русского перевода показало, что «чистка», прежде всего, коснулась:

- жизни населения, приспособившегося к «новому порядку»;
- эффективности партизанского движения;
- частично еврейского вопроса в период оккупации;
- масштабов бандитизма в освобожденной Одессе;
- предвзятого отношения Москвы к Одессе за «*легкие времена Транснистрии*».

Никто и ничто не ушло от цепкого взгляда Александра Верта. На какие же яркие «мелочи» и «маловажные детали» жизни оккупированного города обратил внимание Александр Верт? Таких «мелочей» оказалось много.

Поведение румынского духовенства, особенности перехода власти от румын к немцам, одесские проститутки, мысли вслух обычных горожан по поводу прихода «красных», румынские военнопленные, главные персоналии оккупации: губернатор Алексяну, мэр Пынтя и новые фигуры – Петушков, Чернавский, Скрибан вкупе с другими ничтожествами – все это объекты его пристального рассмотрения.

Характеристики и описания четки, не допускающие двоякого толкования. Со слов самого Александра Верта: «...*Среди иностранных корреспондентов я, можно сказать, находился в привилегированном положении; я родился в Петербурге... говорю по-русски, как на родном языке. Поэтому я мог свободно и неофициально беседовать с тысячами людей, военных и гражданских*». По меньшей мере хотя бы в этой связи сомневаться в откровенности приведенных одесских монологов и диалогов не приходится.

Странно, что во вступительной статье к книге «Россия в войне 1941-1945» тот же Е.А. Болтин утверждал: «...*Нельзя признать удачной и главу, которую автор посвятил освобождению Одессы. Читатель, по существу, почти ничего не узнает из этой главы о героической обороне Одессы, о стойкости и мужестве ее населения и войск, защищавших город. Автор сосредоточил основное внимание на оккупационном режиме в Одессе, на поведении оккупантов и отдельных ничтожных*

групп населения, сотрудничавших с ними. Недооценил он и героизма одесских партизан и подпольщиков, к сообщениям о деятельности которых отнесся с плохо скрытым недоверием. Это результат неглубокого изучения фактов и опять же отсутствия личных наблюдений...». Такой вывод, однако, в полной мере можно было сделать, читая лишь полный английский вариант текста, то есть материал, изложенный без каких-либо купюр, допущенных при подготовке русского издания. Анализируя же текст русского издания, советский читатель мог только о многом догадываться. Вот такой парадокс...

Несправедливы упреки господина Е.А. Болтина в адрес автора. Напротив! Александр Верт все правильно оценил и все правильно недооценил. Его «хорошо и плохо скрытые недоверия» очевидны, логичны и имеют под собой достаточно прочную основу. Так, об эффективности партизанского движения в Одессе, жизни в катакомбах, пассивных и активных партизанах сегодня можно узнать из серьезной и глубокой литературы (прежде всего, исследования Александра Бабича – монографии «Отряд» и «Евреи в подполье», изданные в Одессе в 2013 г.). Оценки, когда-то выставленные Александром Вертом «одесским партизанам», оказались точны и всеобъемлющи. Если же поинтересоваться вопросом сотрудничества с оккупантами *«отдельных ничтожных групп населения»*, то в Государственном архиве Одесской области содержатся сотни страниц доносов и докладных записок, адресованных рядовыми одесситами румынским властям – *«...сотни страниц, исписанных чернилами или карандашом, – в ход шла папиросная бумага, оборотная сторона старых плакатов, даже внутренняя сторона конфетных оберток»**. Так что не такими уж ничтожными были эти *«отдельные группы населения»*.

...Более полувека нас пытались убедить, что в период оккупации в Одессе никакой жизни не было, а если что и было, то это только героические партизаны и легендарные катакомбы. Писали о массовом неприятии населением оккупационного режима. Вторили, как все с нетерпением ждали прихода Красной Армии... С этой «исторической неправдой» все давно свыклись. Перелистывая же одесские страницы Александра Верта, все чаще задаешь себе вопрос: «Как получилось, что еще вчера люди (и не только в Одессе), проявляя массовый трудовой и другой героизм, возводили баррикады, выпускали оружие, боеприпасы и прочее, а буквально на следующий день после прихода оккупантов практически

* Чарльз Кинг. «Одесса: величие и смерть города грез». – М.; 2013.

так же массово и стадно продолжали жить по установленным новыми хозяевами правилам? Заложено ли это в природе человеческой либо привнесено текущей «жизнью с оглядкой», отмечающей человеческое достоинство?

Нет и не может быть однозначных оценок жизни в любом оккупированном и освобожденном городе. Тем более в Одессе. Все было... Беспримерный героизм и бессмысленное самопожертвование, отчаянное шкурничество и любовь по большому счету.

Даже с 70-летней дистанции Одесса и одесситы Александра Верта весьма узнаваемы. Взгляд Александра Верта – это взгляд человека, вооруженного особым увеличительным стеклом. Случайно брошенная фраза, заметки в румынских и немецких газетах, объявления и афиши, водоснабжение города, румынские учебники «для русских», цены на рынках, урожай пшеницы, даже откровения директора разрушенного Дворца пионеров и любые мельчайшие детали того периода не ускользнули от его заинтересованного внимания.

Записи Александра Верта при всей кажущейся сумбурности – это объективный слепок с того страшного времени. Это аккуратный конспект, в котором отражены буквально все стороны жизни города – от бытовой составляющей, «следов румынской оккупации» и человеческих судеб до военно-стратегических приоритетов. От Александра Верта мы узнаем, что в 45-м году Одесса была центром по отправке английских, американских, французских военнопленных, которые жили в Аркадии. И многое-многое другое, неизвестное ранее или сознательно скрываемое.

В целом нельзя не заметить, что страницы Александра Верта пронизаны добрым и даже заинтересованным отношением к Одессе, он тонко чувствует одессита, «...*который независимо от того, украинец... русский или молдаванин, всегда прежде всего одессит*». Он не скрывает восхищения одесскими улицами, «*знаменитыми своей белой акацией*», он прекрасно ориентируется в вопросах истории Новороссийского края.

Поразительно, как при таком сравнительно небольшом объеме повествования (всего неполных 11 страниц) Александр Верт смог различить самое главное. Еще более поразительно, что его утверждения и сомнения, высказанные 70 лет назад, подтверждены временем.

...После войны жизнь Александра Верта складывалась по-разному.

Из письма Николая Верта авторам: «...*С возникновением и развитием «холодной войны» Александр Верт очутился в сложной ситуации:*

с одной стороны, как прямой свидетель неизмеримых страданий советского народа во время войны он отвергал идею о военной угрозе Советского Союза по отношению к Западной Европе, идею которого почти вся западная пресса стала развивать со второй половины 46-го года. В такой обстановке независимая позиция Александра Верта, который утверждал, что Россия глубоко устала от войны и не собирается угрожать Европе и миру, становилась неслышимой на Западе. С другой стороны, советские власти стали все более и более в годы «ждановщины» опасаться этого «укоренившегося» в России иностранного журналиста, постоянно общающегося с видными представителями столичной интеллигенции, репортажи которого неоднократно затрагивали «запретные» темы, такие как страшная участь инвалидов войны или голод начала 47-го года в отдельных районах России, Украины и Молдавии. За Александром Вертом стали следить, а в начале 48-го года дело дошло до преследования и даже ареста некоторых его близких знакомых и друзей. Оставался один выход: вернуться на Запад...»

По-прежнему Александр Верт оставался большим другом Советского Союза, активным борцом за мир, за что подвергался на Западе многолетней травле и шельмованию.

23 мая 1965 г. из Парижа в письме к Илье Эренбургу* Александр Верт писал: «Я все эти годы всегда тепло вспоминал о наших дружеских встречах во время войны; и если в 1943-50 гг. и были какие-то «недо-разумения», то я теперь вполне понимаю, что время было очень тяжелое и что Вы тут были ни при чем... Меня стали травить за то, что я подписал Стокгольмское воззвание**. В течение 4-х лет я был фактически безработным. Из газеты «Манчестер гардиан» меня с треском выгнали в 1949 г., т. к. я не соглашался с политикой «холодной войны» и ограничивался лишь критикой «ждановщины»... Вы, наверное, не знаете, что в 1953 г. меня с таким же треском выставили из «левого» журнала «New Statesmen», т. к. я осмелился написать, что вся история с Дюкло*** ... мерзкая и идиотская полицейская провокация... А американцы

---

* Илья Эренбург. «Я слышу все». Почта 1916-1967. – М.: Аграф, 2006.

** Имеется в виду воззвание Всемирного совета мира 19 марта 1950 г. с требованием запрещения ядерного оружия.

*** Имеется в виду арест в мае 1952 г. члена политбюро ФКП Жака Дюкло (1896-1975) из-за организованных ФКП массовых выступлений трудящихся против приезда во Францию американского генерала Риджуэя.

совсем взбесились. Я начинаю ненавидеть этого Джонсона* (за чью победу на выборах мы, как дураки, молились) почти так же, как в свое время покойного Гитлера. Разве Вьетнам – не та же Испания, и не будет ли Куба второй Чехословакией**?».

Как никто другой, Александр Верт понимал, что политика «холодной войны» никак не способствует делу мира, по-прежнему считая Советский Союз оплотом добра и справедливости. Из интервью Николая Верта (радиостанция «Эхо Москвы», 4 апреля 2009 г.): «... Он [Александр Верт] никогда не был коммунистом, но он надеялся, что система изменится (в СССР. – Прим. авторов) к лучшему, конечно, ну, в общем... Он хотел вернуться, но он надеялся, что в России будет лучший строй...»

Увы, надежды Александра Верта не оправдались...

В августе 1968 г. Советский Союз ввел войска в Чехословакию, «пражская весна» была раздавлена. Александр Верт, так веривший в социализм с человеческим лицом, был потрясен этими событиями. Это стало его личной трагедией.

Много лет Александр Верт работал над книгой «Россия в мире», глубоко веря в демократическое будущее Советского Союза. Но после Чехословакии он понимал, что уже не сможет вернуться к ее первоначально задуманному названию. В итоге книга была названа «Россия: надежды и опасения» («Russia: Hopes and Fears»).

5 марта 1969 г. в Париже Александр Верт покончил с собой.

...Из письма Николая Верта авторам: «...К сожалению, у меня осталось мало воспоминаний об отце. Он умер... когда мне было 18 лет, и со мной он мало делился – увы – военными воспоминаниями. К сожалению, не сохранились и архивы А. Верта. Остались лишь письма позднего периода (50–60 годы)».

Военные архивы Александра Верта не сохранились... Тем более, может быть, и поэтому, все написанное им и опубликованное без купюр – бесценно.

...В жизни Одессы были страницы яркие и тусклые, героические и откровенно постыдные. Все же ничего нельзя перечеркнуть или приукра-

---

* Линдон Джонсон (1908-1973) – 36-й президент США, начавший войну во Вьетнаме.

** Имеется в виду сдача Францией и Англией в 1938 г. Чехословакии Гитлеру в результате подписания мюнхенских соглашений.

силь задним или передним числом, в угоду кому-то или чему-то. Все непременно проступит через время и больно даст о себе знать в самый неподходящий момент.

Нам интересна и небезразлична всякая Одесса, Одесса и одесситы во всех проявлениях. Собственно этому и учит книга Александра Верта «Россия в войне 1941-1945».

Позорно уподобляться двоечнику, вырывающему замаранные и неугодные страницы из своего дневника. Так или иначе абсолютно все страницы истории Одессы принадлежат нам.

Одесса должна быть благодарна Александру Верту за то, что он посвятил ей несколько мгновений своей жизни и творчества.

Ниже впервые приведен русский перевод полного текста об Одессе, соответствующий английскому оригиналу, – строки, «потерянные» при редактировании и подготовке русского издания книги «Россия в войне 1941-1945» (часть седьмая, глава III), выделены.

Глава III

Одесса – столица румынской Транснистрии***

В апреле-мае 1944 г. немцы были окончательно изгнаны из южных районов Украины. Войска 2-го Украинского фронта под командованием Конева, развивая стремительное наступление, вступили в Северную Румынию, и только когда они достигли линии, проходившей километрах в двадцати восточнее Ясс, фронт временно стабилизировался. 2 апреля Советское правительство объявило о вступлении Красной Армии на румынскую территорию и о том, что оно не преследует цели изменения «существующего общественного строя» (то есть капитализма) в этой стране. Тем временем войска 3-го Украинского фронта под командованием Малиновского продолжали свое наступление вдоль Черноморского побережья и освободили Херсон, Николаев и Одессу. 11 апреля было объявлено о переходе Красной Армии

*** Название главы в русском переводе: «Одесса: личные впечатления».

в наступление в Крыму, который являлся последней крепостью Гитлера на Черном море. Не прошло и месяца, как Крым был очищен от врага.

В Одессе – этом «русском Марселе» – существовала весьма своеобразная обстановка: в течение всего периода оккупации (за исключением последних нескольких недель, когда всю власть взяли в свои руки немцы) она находилась не под немецким, а под румынским господством. Чтобы вознаградить королевскую Румынию за ее участие в войне против Советского Союза, Гитлер отдал ей обширную и богатую территорию на Юге Украины, простиравшуюся от Бессарабии до Южного Буга; сюда входил и крупный черноморский порт Одесса. Вся эта территория была включена в состав так называемой «великой Румынии» в качестве новой провинции под названием «Транснистрия» (то есть Заднестровье).

Войска Малиновского освободили Одессу 10 апреля, и немцы, боясь попасть в окружение, в панике бежали из нее: одни – морем, под почти непрерывной бомбежкой и артиллерийским обстрелом советских войск, другие – по последней оставшейся еще в их распоряжении дороге между Одессой и устьем Днестра, откуда их переправляли на пароме в те части Бессарабии и Румынии, которые еще не были заняты Красной Армией. К моменту освобождения Одессы вся эта дорога была усеяна разбитой техникой, брошенной немцами при отступлении. Однако при всей поспешности, с какой немцы покидали Одессу, они успели превратить портовые сооружения, большинство заводов и фабрик города и многие другие крупные здания в дымящиеся груды развалин.

В одно чудесное весеннее утро в середине апреля я выехал из одного населенного пункта, севернее Николаева, на восточном берегу Южного Буга, в Одессу. Южный Буг служил границей между оккупированной немцами и аннексированной румынами частями Украины, и гражданскому населению было запрещено переходить через эту границу без специального разрешения. Но с февраля 1944 г. немцы совсем перестали считаться с фиктивной принадлежностью Транснистрии к Румынии.

Немецкие войска пытались угнать с собой скот, но, поскольку им так и не удалось переправить коров через Южный Буг, они

перестреляли их, и зеленые берега реки были завалены десятками трупов животных, которые уже начали разлагаться.

Местность между Южным Бугом и Одессой представляла собой типичную степь, и, проезжая среди расстилавшихся по обе стороны дороги бескрайних зеленых ковров озимой пшеницы, **так старательно посеянной осенью, и урожай которой теперь уже будут собирать русские**, мы иногда на протяжении многих километров не видели ни одной деревни.

Кое-где нам попадались поля под паром, но их было немного. Однако что больше всего поразило нас на нашем пути – это несколько совершенно безлюдных деревень. Они не походили ни на русские, ни на украинские деревни. Дома в них пестрели яркими красками, к небу тянулись шпили церквей – лютеранских, а может быть, католических, поскольку мы видели несколько придорожных католических распятий. Это были деревни немецких колонистов, которые жили здесь на протяжении полутора веков, а в последние годы выполняли функции квислинговцев, занимая различные административные и полицейские должности, предоставлявшиеся им немцами на восточном берегу Южного Буга. Те, кто остался жить в «великой Румынии», выступали здесь в роли высокомерного немецкого меньшинства и, несомненно, уже готовили весьма неприятные сюрпризы для румынского «большинства». Однако стремительное наступление Красной Армии вынудило их покинуть свои жилища. Позднее, в Одессе, мне попала на глаза газета на немецком языке под названием «Дер Дейче ин Транснистриен» («Немец в Транснистрии»), в которой этот край фактически рассматривался как часть «германского достояния», а о румынах даже не упоминалось! Однако всего лишь несколько недель назад Гитлер еще считал своим долгом поддерживать миф о «великой Румынии» и делать вид, что признает Транснистрию румынской провинцией, а Одессу – румынским городом.

Мы подъезжали к Одессе уже в сумерках, и по мере нашего приближения к Черному морю местность становилась все холмистее, и то тут, то там были заметны следы боев. Повсюду вдоль дороги валялось множество трупов лошадей, а здесь, на этих оголенных ветрами холмах на побережье Черного моря, мы опять видели

конские трупы, воронки от бомб, а время от времени и трупы людей. В одном месте мы проехали мимо огромного памятника, воздвигнутого румынами в память о взятии Одессы в 1941 г. Именно здесь, по этим холмам, проходило тогда кольцо советских оборонительных укреплений вокруг Одессы.

И вот мы уже в Одессе, на улицах которой чувствовался едкий смрад пожарищ.

Одесса была погружена в непроглядную тьму. Немцы, которые на протяжении последних двух недель хозяйничали в городе, взорвали в нем перед уходом все электростанции; и, что было еще хуже, город остался без воды, если не считать небольших ее количеств, которые давали артезианские колодцы. В нормальных условиях Одесса снабжалась водой из Днестра, но теперь трубопроводы были взорваны. Сейчас, как и в те два месяца суровой осени 1941 г., пока длилась осада города, он целиком зависел от собственных колодцев.

В гостинице «Бристоль», где мы остановились, для умывания выдавалась бутылка воды в день. **Эта гостиница «Бристоль», огромное величественное абсурдно выглядывшее здание с декоративными кариатидами, поднимающимися чуть ли не в три этажа, находилась на Пушкинской улице.** Все окна в здании были выбиты. Гостиницу обслуживали два швейцара – старик с черной бородой, бывший одесский портовый рабочий или биндюжник, с хриплым голосом и резким неприятным смехом, и его помощник – жуликоватого вида старикашка с седой бородкой. Оба обычно стояли на тротуаре перед гостиницей, рассматривали одесских девиц в легких платьях, проходящих мимо группами по четыре или пять, отпуская в их адрес непристойные замечания, а старикашка с седой редкой бородкой, ухмыляясь, рассказывал забавные истории, например о двух девицах, которые жили с ним в одном доме, одна из которых «специализировалась» на румынах, а другая – на немецких офицерах, и как потом они обменивались своими «впечатлениями».

Здесь не существовало никаких запретов. Это была Одесса с ее неистребимым душком уголовного мира, воскрешавшим в памяти похождения бабелевского Бени Крика – короля одес-

ских гангстеров, **которых невозможно будет истребить даже через сто лет советской власти.**

Правда, это была уже не та Одесса, какую мы знали в прошлом. Прежде всего, это была Одесса без евреев, а они составляли в свое время очень большую часть населения этого черноморского порта, – они, армяне, греки и другие представители средиземноморских или околосредиземноморских народов.

И все же здесь по-прежнему можно было встретить одессита, который независимо от того, украинец он, русский или молдаванин, всегда прежде всего одессит, говорящий на собственном жаргоне, с характерными словечками и выражениями, а также с присущим только одесситу акцентом. Очевидно, многие из таких одесситов чувствовали себя как рыба в воде во внешней беспечной Одессе, какой она была при Антонеску, – начиная от ее ресторанов и «черного рынка», ее домов терпимости и игорных притонов, клубов для игры в лото, кабаре, атрибутами европейской культуры, **заканчивая оперой, балетом и симфоническими концертами.**

Здесь действовала сигуранца – румынская тайная полиция, ибо здесь было большевистское подполье (причем подполье буквальное, скрывавшееся в одесских катакомбах) и были евреи, многие тысячи которых потом сигуранца истребила. Но оккупационный (или, вернее, аннексионный) режим румын имел много других черт, отличавших его от немецкого оккупационного режима, следы которого я видел в таких городах, как Воронеж, Орел или Харьков.

Пока шансы держав «оси» на победу казались благоприятными, румыны намеревались превратить Одессу во вторую, только более веселый и беззаботный Бухарест. И дело заключалось не только в том, что они открыли здесь рестораны, магазины и игорные притоны и что Антонеску торжественно появлялся в бывшей царской ложе Одесской оперы, – здесь была предпринята также серьезная попытка убедить население города, что оно является и останется частью населения «великой Румынии». В отличие от того, что делали в оккупированных городах немцы, румыны не закрыли ни университета, ни школ. Школьников заставляли изучать румынский язык, а студентов

предупредили, что если они в течение года не научатся говорить по-румынски, их исключат из университета (правда, после Сталинграда румыны больше не настаивали на этом). Они продолжали распространять румынский учебник географии, переведенный на русский язык, где доказывалось, что практически вся Южная Россия «с геополитической точки зрения» является частью Румынии и населена в основном потомками древних даков. Тем, кто мог доказать, что в его жилах течет хоть капля молдаванской крови, были обещаны всевозможные привилегии; иметь бабушку-еврейку грозило серьезными неприятностями, наличие предков-молдаван приравнивалось чуть ли не к обладанию дворянским титулом.

Одна особенность отличала Одессу от городов, оккупированных немцами. Одесса была полна молодежи. Это была счастливая случайность: румыны считали Транснистрию составной частью своей страны, а ее жителей – будущими румынскими гражданами. Конечно, после Сталинграда они уже не были столь твердо уверены в том, что им удастся сохранить Одессу, но продолжали поддерживать эту фикцию. Потому что подавляющее большинство одесских юношей и девушек не были угнаны ни в Германию, ни в какое-либо другое место. Не призывали молодых одесситов и в румынскую армию, поскольку, с точки зрения румын, на них абсолютно нельзя было положиться. Только в последние несколько недель оккупации, когда власть в городе перешла к немцам, небольшое число одесситов, которым просто не повезло, было все же угнано в Германию; однако большинству молодежи удалось избежать этого – отчасти благодаря советскому подполью.

В эти первые дни после освобождения Одесса все еще сохраняла множество следов румынской оккупации, длившейся два с половиной года.

Вдоль всей Пушкинской улицы, а также на других, знаменитых своей белой акацией улицах Одессы, названных по именам видных деятелей XVIII в. – основателей города (Ришелье, де Рибаса, Ланжерона), все еще красовались объявления лотошных клубов и кабаре, вывески с написанными

на них по-румынски словом «Бodega» (теперь эти «бодегы» были закрыты) и обрывки воззвания на румынском, немецком и русском языках (но не на украинском): «Мы, Ион Антонеску, маршал Румынии, профессор Л. Александру, губернатор Транснистрии» и т. д., и т. д. На одном из больших зданий виднелась вывеска «Гувернэмынтул Транснистрией», а таблички на автобусных остановках (отнюдь не означавшие, что в городе продолжали ходить автобусы) гласили, что первый автобус «Аэропорт – латара» (вокзал) отходит в 7 часов 15 минут утра. Театральные афиши сообщали о музыкальных спектаклях в «Театрул де опера ши балет, Одесса» **(это, между прочим, означало, что Одессу не переименовали в Антонеску)**. В Одессе имелось также много других развлечений, даже симфонический оркестр германских ВВС дал здесь концерт (правда, он состоялся 27 марта, когда власть была в руках немцев, – **они исполняли «Неоконченную симфонию» Шуберта, скрипичный концерт Бетховена и Пятую симфонию Чайковского**). Существовало здесь и несколько пошивочных ателье, и множество других мелких мастерских, чьи владельцы теперь исчезли. Свободное предпринимательство всевозможного рода, как видно, повсюду процветало в Одессе при румынах. **Румыны были спекулянтами, и половина жителей Одессы, а возможно, больше, тоже занимались спекуляцией. Не были ли спекуляция и торговля у одесситов в крови?** Румынские генералы возили из Бухареста целыми чемоданами дамское белье и чулки и заставляли своих ординарцев продавать все это на рынке. Даже и сейчас еще на рынке можно было купить много различных мелочей – немецкие карандаши, венгерские сигареты, немецкие сигареты (называвшиеся «Крым» и изготовлявшиеся в Крыму) и даже флаконы духов, а также чулки, правда, последние уже становились редкостью и продавались только из-под полы. Милиция зорко следила за подобного рода торговлей, и одесситы на рынке выглядели несколько притихшими. **Самым шумным был слепой человек в сопровождении старухи, которая гремела копилкой с деньгами, поднося ее прямо к лицам прохожих, а слепой заунывно и проникновенно затягивал:**

**Знают все мою квартиру,
Там живу среди могил,
Рвались там снаряды злые,
Жизнь свою там положил...**

На рынке продавали варенье по 20 рублей банка и хлеб по 10 рублей кило (что было очень дешево); на прилавках было много молока; кое-кто продавал также немецкий яблочный сок в бутылках. Пара шелковых чулок из-под полы теперь стоила 300 рублей. А продавщицы все еще называли цену в марках, хотя имели в виду рубли. В качестве оберточной бумаги употреблялись немецкие газеты. **Позже все эти роскоши «нового порядка» исчезли, и цены взлетели.**

Хотя порт с его доками и элеваторами представлял собой груды дымящихся развалин, на Приморском бульваре с его видом на порт и на море, как обычно, толпилась молодежь. Многие сидели на скамейках или на ступенях знаменитой лестницы (увековеченной в эйзенштейновском «Броненосце «Потемкине»).

Припоминаются мне, в частности, двое парнишек – один белокурый, другой с начинавшими пробиваться черными усиками, – которые рассуждали на своем одесском жаргоне о страшных разрушениях, причиненных немцами порту и другим районам города, а особенно промышленным предприятиям на Молдаванке и на Пересыпи. Они вспоминали также, как в последние две недели немецкой оккупации им приходилось скрываться со своими приятелями в подвалах и в катакомбах – выходить на улицу, даже до наступления комендантского часа (3 часа дня), было опасно: немцы могли схватить их и отправить в Германию или же просто застрелить. Упомянув о немцах, они прибегали к самым изощренным ругательствам и говорили, что румыны здесь здорово откормились к тому времени, когда в феврале все захватили немцы. **«Я интересуюсь, – говорил парень с черными усиками, – как «красные» поступят с купанием в море?» (Тогда в Одессе многие говорили о «красных».) С его слов, на протяжении прошлого лета румыны разрешали пользоваться только одним пляжем, и в жаркие дни выстаивались очереди по 20 тысяч человек. «Сейчас проклятые немцы заминировали все пля-**

жи и, возможно, нельзя будет купаться вообще». В общем, они были довольны приходом Красной Армии, потому что при немцах было действительно ужасно. Румыны по крайней мере оставляли «большинство людей» в покое, хотя некоторым, особенно евреям, здорово досталось от сигуранцы. Однако, в общем-то, румыны не очень придирались к людям.

«Можно было жить» – на рынке было полно продуктов, и у румынских солдат всегда можно было купить множество всяких вещей.

«Что же случилось с евреями?» – спросил я. «О, – ответил блондинчик, – говорят, очень много их отправили на тот свет, но сам я этого не видел. Некоторым удалось спастись – за небольшие деньги у румын можно было купить что угодно, даже паспорт на имя Ришелье. У нас в подвале жила одна еврейская семья; раз в неделю мы носили ей что-нибудь поесть. Румынские «фараоны» знали о ней, но и ухом не вели. Они говорили, что столько евреев было истреблено лишь потому, что этого требовали немцы. «Не уничтожьте евреев, не получите Одессы», – заявляли немцы румынам. По крайней мере так нам говорили румыны».

«Губернатор Транснистрии» профессор Алексяну избрал в качестве своей резиденции чудесный Воронцовский дворец на Приморском бульваре, в котором до оккупации размещался Дворец пионеров. Теперь, после освобождения, он снова станет Дворцом пионеров. Алексяну, как рассказывали в Одессе, предоставил сигуранце полную свободу рук. В феврале 1944 г. его сняли в связи с колоссальными растратами, в которых, по разговорам, он был замешан. Алексяну тратил казенные деньги не на общественные нужды, а больше на хорошенькие ножки. Действительно, до февраля 1944, пока не пришли немцы, он заботился о благосостоянии школ и университетов, и как результат – университеты и лаборатории, и все остальное не было разграблено. Алексяну, как говорили, был «высоким мужчиной с вытянутым лицом и каштановыми волосами – тип, очень любимый женщинами». Его кабинет возглавлял Черкавский, белогвардеец, хотя, в основном, с ним работали люди из Бухареста.

После смещения Алексяну губернатором был назначен генерал Потопяну, руководивший осадой Одессы в 1941 г. Его власть была уже сильно ограничена. Ибо с февраля 1944 г. неофициально – а с 1 апреля вполне официально – в Одессе всем распоряжались немцы.

К концу оккупации немцы отказались даже от самого названия «Транснистрия» и взяли под свой контроль железные дороги и все остальное (что сильно возмутило Антонеску). Их чрезвычайно тревожили два обстоятельства: во-первых, возможность того, что кто-либо из румынских генералов в Одессе или где-нибудь еще может «поступить, как Бадольо»*, и, во-вторых, распространение среди румынских солдат коммунистических идей и пораженческих настроений.

До перехода Транснистрии под контроль немцев румыны разделили ее на тринадцать округов; во главе каждого округа стоял префект; в самой Одессе имелся мэр Герман Пинтя, бывший мэр Кишинева. Полиция состояла из румын. Но, кроме того, здесь имелась сигуранца.

Пинтя был свергнут немцами, на его место посажен русский квислинговец по фамилии Петушков. Он был последним мэром Одессы – прибыл 24 марта и уехал 9 апреля. Он был инженером, мэром Сталино при немцах. Толстый короткий человечек сорока шести лет; всю работу за него делал немецкий майор.

При румынах в Одессе было открыто тридцать церквей, в том числе несколько лютеранских и римско-католических. Православному духовенству Одессы румыны приказали порвать все связи с Московским патриархом и признать власть Одесского митрополита Никодима, человека, жившего со своими новыми хозяевами душа в душу. **Румыны направили церковную миссию из 12 священников во главе со Скрибаном – профессором теологии из Бухареста.** Священники, приехавшие из Бухареста, захватили несколько лучших домов в Одессе, в том числе дом митрополита и других высших духовных лиц. Они забрали себе

---

* Назначенный после падения диктатуры Муссолини премьер-министр Италии, маршал Бадольо, подписал 3 сентября 1943 г. договор о капитуляции Италии и 13 октября 1943 г. объявил войну Германии.

также все лучшие приходы. Настоятель Успенского собора отец Василий рассказал мне, что из-за этого русские священники были поставлены «в весьма неблагоприятные условия, и многим из них пришлось искать себе другие приходы в сельской местности». Отец Василий сказал, что румынские священники вели в Одессе очень разгульный образ жизни, **а более всех сам Скрибан. Скрибан давал русским священникам разрешения на получение приходов: чем лучше приход, тем больше взятка.**

Наконец, он был отправлен обратно в Бухарест, потому что его поведение стало слишком скандальным. На его место был назначен Виссарион – митрополит Бессарабии и Черновцов. Он торжественно и триумфально въехал в Одессу в карете в сопровождении румынской кавалерии, однако вскоре между ним, представляющим церковь, и губернатором Алексяну, представляющим светскую власть, возникла конфликтная ситуация. В итоге митрополит Виссарион, который въехал в Одессу как царь, добирался до железнодорожного вокзала в дрожках с одним чемоданом.

Румыны не изображали из себя или почти не изображали «расу господ» и, по правде говоря, они и немцы недолюбливали друг друга (исключением являлись разве что лишь высшие сферы). Победители и побежденные нашли общий язык на почве бизнеса и «черного рынка». Но ни украинцы и русские, ни румыны не могли в конце концов долго принимать Транснистрию всерьез. В течение одного года (до Сталинграда) – но не дольше – еще могло казаться, что румыны обосновались здесь надолго. Но потом многим энтузиастам «свободного предпринимательства» среди одесситов пришлось действовать гораздо осторожнее, сотрудничая с новыми хозяевами. К тому же после поражения румынских войск на Дону оккупанты явно впали в уныние и все больше боялись, что немцы вообще выкинут их из Транснистрии. Все знали, что даже Антонеску возмущался теперь неизменно возрастающими требованиями Гитлера, которому нужны были все новые и новые партии румынского пушечного мяса.

Что делала в Одессе сигуранца? Многие одесситы утверждали, что она была не лучше гестапо и что помимо расстрелянных

ею 40 тыс. евреев* на так называемом Стрельбище она уничтожила, особенно в первый период оккупации, еще около 10 тыс. человек, в числе которых было много коммунистов, людей, заподозренных в том, что они коммунисты, и заложников, схваченных после того, как на улицах кто-то стрелял в румынских офицеров или где-то были брошены бомбы и т. д.

Единственным смягчающим обстоятельством для сигуранцы являлась ее чрезвычайная продажность. Пользуясь ею, многие евреи, которым это было по средствам, приобретали «арийские» документы или по крайней мере получали разрешение уехать в деревню. Есть доказательства того, что хотя румыны готовы были и сами убивать евреев, они оказывали сопротивление немецкому «вмешательству» в Одессе.

Также имеются определенные сомнения в эффективности советского подполья**, которое действовало из запутанного лабиринта одесских катакомб – подземных коридоров, протянувшихся на десятки километров в длину, иногда на глубине до 30 метров под землей. О «единственных в мире городских партизанах» и некоторых их коммунистических руководителях, таких как С.Ф. Лазарев, И.Г. Илюхин и Л.Ф. Горбель, которые действовали на протяжении всего периода румынской оккупации, держа захватчиков в состоянии вечного страха, было написано к концу войны (особенно В. Катаевым) много романтических историй. Создается впечатление, что на деле советское подполье в Одессе использовало катакомбы (а потайные входы в них вели из многих зданий) только в случаях крайней необходимости, и что хотя там были спрятаны некоторые запасы продовольствия и оружия, лишь очень незначительное число людей фактически жило в катакомбах в течение сколь-

---

* В 1941 году в Одессе проживало более 150000 евреев, но примерно две трети были эвакуированы по морю с большей частью армии и другими гражданскими лицами. Когда в июне 1944 года я побывал в Ботошанах – части Румынии, занятой русскими, то нашел там большое скопление еврейского населения, которое не было истреблено румынами, несмотря на приказы немцев. Существовали разногласия в правительстве Румынии по еврейскому вопросу (см. Райтлингер. «Окончательное решение». – Лондон, 1953, с. 404).

** В русском переводе эта часть предложения звучит как «В Одессе много рассказывали о советском подполье»

ко-нибудь продолжительного времени. **Ходили слухи, что некоторые евреи прожили там весь период оккупации. Однако крайне высокая влажность катакомб делает эти слухи весьма сомнительными.**

Можно, однако, с уверенностью сказать, что с конца 1943 г. (но не раньше), и особенно в последний месяц немецкой оккупации, катакомбы приобрели гораздо большее значение. Благодаря усилиям советских подпольных организаций они стали прибежищем для одесской молодежи, которой грозила высылка, и для многих эльзасцев, поляков и особенно словаков, дезертировавших из германской армии. Некоторые из партизанских руководителей, встреченных мной в Одессе вскоре после ее освобождения **(на вид типичных биндюжников маргинального типа)**, утверждали, будто в катакомбах скрывалась хорошо вооруженная десятипятитысячная армия, а ее вооружение было по большей части куплено у румынских и немецких солдат на «черном рынке»; будто в катакомбах был развернут «катакомбный госпиталь» с «12 хирургами и 200 человек обслуживающего персонала»; и, наконец, будто там имелась не только «катакомбная пекарня», но даже и «катакомбная колбасная фабрика». Все это, однако, отнюдь не является достоверным и должно приниматься с серьезными оговорками.

Исключая последние недели оккупации, когда Одесса была под немцами, «обычных» опасностей (таких, как угроза депортации) для «большого» партизанского движения не было, и даже позже большинство людей, которые ушли в катакомбы, были скорее пассивными, чем активными партизанами. Я лично увидел в катакомбах лишь несколько пулеметных гнезд, прикрывавших важнейшие входы, некоторое количество неприкосновенных запасов продовольствия, ряд артезианских колодцев и складов оружия. Вполне возможно, что в последние критические недели в катакомбах и вправду скрывалось несколько тысяч человек, однако заявления некоторых командиров партизан о том, что подполье ликвидировало сотни немцев и остановило разрушение Одессы (оно, кстати, не остановило уничтожение порта и практически всех заводов) больше выдумки. Однако серьезные советские послевоенные исследования,

посвященные истории войны, уделяют «партизанам из катакомб» очень мало внимания и, уж конечно, не изображают их как крупную подпольную армию, которая (как уверяли меня 14 апреля 1944 г. некоторые руководители партизан) «была в состоянии занять Одессу и вышвырнуть из нее немцев, если бы Красная Армия не подоспела вовремя».

За эту неделю я видел в Одессе много военнопленных, и среди них примкнувших к партизанам словаков и эльзасцев. У них, особенно у словаков и некоторых поляков, чувствовался высокий боевой дух; эти настроения были типичны для оккупированной Европы тех дней, для ее быстро возраставших надежд. Румынские военнопленные были и физически, и морально надломлены, а когда одного из них спросили, что он делал во время войны, тот бодро ответил, что он вот уже три года как дезертир. **Другой, оказавшийся таксистом из Бухареста, говорил, что надеется на то, что король Кароль и мадам Лупеску (очень хорошая женщина) вернутся, потому что при них жизнь была веселой, а у таксистов было много работы.** Все румыны с надеждой задавали один вопрос: «Что, Бухарест уже взяли?». Немцы, однако, выглядели мрачными, и лишь немногие из них отваживались признать, что Гитлер проиграл войну.

Центральная часть Одессы в основном сохранилась, хотя большинство заводов и фабрик в ее предместьях было разрушено. Но жизнь – новая, советская жизнь – начинала уже кое-где налаживаться. Детей уже приглашали снова записываться в Воронцовский дворец – ныне снова Дворец пионеров, – стеклянный купол которого был разбит советским снарядом, предназначавшимся для порта. **Директор Дворца пионеров была возмущена. «Такое варварство», – говорила она. Александру жил здесь на широкую ногу с любовницей и, вполне естественно, что он «восстановил» дворец по собственному вкусу – перекрасил стены императорской гостиной с канделябрами в кремовый цвет. «И краски кремового цвета, – заметила она, – размазаны по фрескам, изображающим дореволюционное «убожество», в котором когда-то жили дети России, и аналогично на противоположной стене Александру уничто-**

жил прекрасные изображения товарища Сталина, хлопающего в ладоши, наблюдая за танцующими вокруг него счастливыми советскими детьми».

Мне довелось увидеть Одессу еще раз через год, в марте 1945 г. К этому времени она превратилась в порт отправления тысяч английских, американских, французских и других военнопленных, освобожденных Красной Армией в Польше, Силезии, Померании и Восточной Пруссии. Они жили в бараках, школьных зданиях и виллах близ приморского курорта Аркадии. Моряки – в большинстве английские и американские – танцевали и много пили, сидя под запыленными пальмами в комнате отдыха гостиницы «Лондон», теперь полностью разминированной (в мой первый приезд она была оцеплена канатом). Положение с продовольствием было тяжелым даже в гостинице «Лондон» – **и сама Одесса имела голодный вид, что было гораздо заметнее, чем в 1944 году.** Автобусы и трамваи по-прежнему не ходили, а рынок имел нищенский вид. **Уровень бандитизма был велик. Подозрительные типы шатались по городу в темное время суток, грабежи и убийства совершались каждую ночь. Интересно, прятались ли тогда бандиты от русской полиции в катакомбах?** Порт, правда, работал, и пленные немцы, худые, с желтыми лицами, очищали его территорию от обломков кирпича и мусора. Но хотя много развалин уже расчистили, использовать можно было только небольшую часть порта; у причалов стояли всего два транспорта – американский и английский, а мол был все еще в двух местах разрушен. Сотни английских, французских и американских военнопленных весело шагали по разрушенной территории одесского порта к ожидавшему их транспорту; они осыпали немцев насмешками, а те обменивались друг с другом философскими замечаниями по поводу превратностей военной судьбы или просто с грустным видом пристально смотрели им вслед.

Я задумался тогда, почему вообще Одессу едва восстанавливают, и почему положение с продовольствием, да и сами условия жизни были в целом тяжелее, чем во многих других освобожденных городах?

Я задавался вопросом: «Была ли Одесса косвенно наказана за те относительно легкие времена Транснистрии и за то рвение, с которым так много одесситов заражались духом ночных клубов, винных погребков и «черного рынка»?» Не из-за сознательной нелояльности, а скорее из врожденной легкомысленной симпатии к мелкому бизнесу.

В течение нескольких лет после войны было ощущение, что Одессу недолюбливают в Москве, и ее восстановление занимало одно из последних мест в списке приоритетов.

